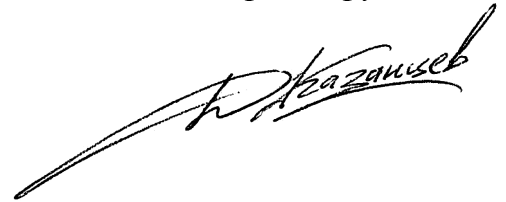

На правах рукописи

Казанцев Дмитрий Александрович

**СТАТУС ГОСУДАРЯ НА РУСИ И В ВИЗАНТИИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ
В ПРАКТИКЕ И ДОКТРИНЕ (IX–XVI ВВ.)**

Специальность 12.00.01 — теория и история права и государства;
история политических и правовых учений

Автореферат диссертации на соискание учёной степени
кандидата юридических наук

Москва

2013

Диссертация выполнена в секторе истории государства, права и политических учений Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института государства и права Российской академии наук.

Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор
Лаптева Людмила Евгеньевна

Официальные оппоненты: **Нижник Надежда Степановна**
доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры теории права и государства Санкт-Петербургского университета МВД России

Полянский Павел Львович
кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Ведущая организация: **Российский университет Дружбы народов**

Защита состоится 19 ноября 2013 г. в 14:00 на заседании диссертационного совета Д.002.002.07 по защите докторских и кандидатских диссертаций Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института государства и права Российской академии наук по адресу: 119019, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института государства и права Российской академии наук по адресу: 119019, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10.

Автореферат разослан « » _____ 2013 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета Д.002.002.07
кандидат юридических наук, профессор

 Н. Н. Ефремова

Актуальность темы диссертационного исследования. Средневековое русское государство нередко сравнивается с Византийской империей. При этом бытует мнение, что методы властвования московских великих князей и царей базировались на политических идеях и государственной практике, пришедших из Византии вместе с православным христианством¹. Действительно, принятие христианства стало важнейшим событием российской истории, включило русских в семейство европейских народов не только в географическом, но и в культурном смысле. После успешной христианизации Древней Руси византийскими миссионерами русичи окончательно вошли в сферу византийского культурного влияния, которое не ограничилось вопросами вероучения и церковной организации. Русичи знакомились с античным наследием в переводах византийских монахов. Само летоисчисление на Руси было введено по византийскому образцу. Особенности взаимоотношений духовной и светской властей в Византийской империи, не знавшей папоцезаризма, нашли отражение в модели государственно-церковного взаимодействия на Руси, где специфическая идея покорности церковных иерархов государственной власти была артикулирована и воплощена даже более последовательно, чем в Византии.

Согласно доктрине «Москва — Третий Рим», факт крещения уравнивал древнерусских князей в их монархическом достоинстве с византийскими императорами. Причём в средневековой Руси акцент делался на самодержавно-авторитарной сущности власти византийского императора, которая якобы представляет собой органичную основу православной монархии. Вместе с тем, при акцентировании авторитарного характера власти византийского императора игнорировались многие существенные черты политической реальности Византийской империи. Однако именно в фигуре государя находили своё ярчайшее выражение, персонифицировались управленческие полномочия государственного аппарата как на Руси, так и в Византии. В нашей стране рудименты такого восприятия не ушли в прошлое и по сей день.

¹ Чаадаев П. Я. Философические письма. М., 1991. С. 7; Дьяконов М. А. Власть московских государей: очерк из истории политических идей Древней Руси до конца XVI в. / Сочинения М. Дьяконова. СПб., 1889; Иконников В. С. Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. Киев, 1869.

Настоящее исследование призвано уточнить моменты схожести и различия в статусе византийского и древнерусского государей, определить направление эволюции власти великого князя в средневековой Руси на протяжении IX–XVI веков. Кроме того, изучая и сравнивая статусы государей Византийской империи, Древней Руси и Московского царства, можно со всей очевидностью проследить альтернативные варианты организации публичной политической власти, воплотившиеся в жизнь на Руси и в восточноевропейских православных государствах. Альтернативы эти были востребованы в различные политические эпохи и не потеряли своей актуальности до настоящего времени.

Не менее актуален ещё один аспект исследования, который позволяет установить преемственность между Древнерусским и Московским государствами. Великие князья и цари Москвы были прямыми потомками древнерусских государей, а потому в династическом смысле власть государей Московской Руси обладала преемством по отношению к власти государей Киевской Руси. Древняя Русь является своего рода предысторией Московского государства. Однако монгольское нашествие существенно изменило политическую культуру русских земель и исказило сущность власти государя до такой степени, что в своей властной деятельности он уже мало походил на своих древнерусских предков. Изучение вопроса о сущности власти древнерусского князя в сравнении с властью государя московского позволит оценить глубину метаморфозы монархической власти на Руси.

Объект настоящего исследования — феномен власти государя в Византийской империи, Древней Руси и Московском государстве, цели правления, практика реализации государем своих властных полномочий и пределы его власти.

Хронологические рамки исследования охватывают период с IX по конец XVI века. Только на таком историческом отрезке становится очевидна самобытность монархической власти на Руси, отчётливо проступают сходства и различия между московскими царями и их византийскими и древнерусскими предшественниками.

В рамках настоящего исследования оказываются два хронологически обособленных периода русской истории: IX–XIII века, эпоха Древней Руси,

и XIV–XVI века, эпоха становления централизованного Русского государства. Смена этих эпох характеризовалась радикальными метаморфозами княжеской власти. Древнерусский институт княжеской власти изначально был патриархальным, он постепенно вырос из военно-демократических традиций. Целесообразность его исследования в рамках настоящей диссертации определяется необходимостью уяснения того, как в тот период на Руси интерпретируются византийские политические идеи. Сравнение московского князя с его древнерусскими предками и с византийскими императорами позволяет показать отличие способов осуществления княжеской власти в Московской Руси как от древнерусских, так и от византийских, при том, что идеологически декларировалась их преемственность.

Предмет данной работы — юридические аспекты статуса византийского императора IX–XV веков и статуса русского государя на протяжении IX–XVI веков; влияние на характер и эволюцию власти русского государя византийской политико-правовой доктрины и практики.

Целью настоящего диссертационного исследования является сравнительная характеристика статусов московских государей и византийских императоров, а также выяснение вопроса о степени влияния византийской политической практики и доктрины на эволюцию княжеской власти на Руси вплоть до времени формирования на русских землях Московского государства.

Для достижения указанной цели в ходе исследования решаются следующие задачи:

1. Охарактеризовать значимые черты статуса государей Византии, Древней Руси и Московского государства.
2. Определить место государей Византии, Древней Руси и Московии в общественно-политической системе и порядок их взаимодействия с другими институтами государственного управления.
3. Сравнить статус государей Византии, Древней Руси и Московского государства.

4. Определить степень влияния византийской политической культуры на практику осуществления князем своих властных полномочий в Древней Руси и Московском государстве.

Степень разработанности проблемы. Вопросы генезиса древнерусской княжеской власти и статуса князя поднимаются уже в трудах российских учёных середины XIX века — Н. М. Карамзина², В. О. Ключевского³, С. М. Соловьёва⁴, С. Ф. Платонова⁵. Названные труды интересны и как первые примеры комплексного анализа особенностей возникновения и эволюции древнерусской государственности.

Если работа Н. М. Карамзина представляет апологетику просвещённого абсолютизма, то в трудах В. О. Ключевского и С. М. Соловьёва отражены современные им идеи о ключевой роли народа как движущей силы исторических процессов и о необходимости ограничения произвола правителей.

В конце XIX века и в XX веке отечественными специалистами были написаны работы, посвящённые конкретным институтам государственного управления Древней Руси. Становление древнерусской государственности подробно рассматривается в работах М. Н. Тихомирова⁶ и И. Я. Фроянова⁷. В монографии А. М. Сахарова⁸ эволюция власти государей освещается в контексте процесса формирования Московского централизованного государства.

В качестве одного из главных объектов исследования статус киевского князя рассматривается в монографиях В. И. Сергеевича⁹, А. Е. Преснякова¹⁰, А. А. Горского¹¹. Они основываются на историко-правовых методиках, что делает их особенно ценными для данной работы. В названных трудах древнерусский князь предстаёт не столько монархом, диктующим свою волю подданным, сколько военным лидером с широкими, но отнюдь не безграничными полномочиями.

² Карамзин Н. М. История государства Российского. В 6 томах. М., 2005.

³ Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. М., 2003.

⁴ Соловьёв С. М. История России с древнейших времен. М., 2002.

⁵ Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. М., 2007.

⁶ Тихомиров М. Н. Древняя Русь. М., 1975.

⁷ Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980.

⁸ Сахаров А. М. Образование и развитие Российского государства в XIV–XVII вв. М., 1969.

⁹ Сергеевич В. И. Древности русского права. М., 2006.

¹⁰ Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. М., 1993.

¹¹ Горский А. А. Древнерусская дружина. М., 1989.

В указанной монографии В. И. Сергеевича подробно рассмотрены вопросы генезиса княжеской власти на Руси, изложены ценнейшие соображения относительно эволюции княжеской власти в ходе перемещения политического центра Руси из Киева в Москву. А. Е. Пресняков проследил эволюцию российской власти и права на протяжении IX–XV веков через призму законодательной и судебной деятельности русских князей. В работе современного украинского историка П. П. Толочко¹² предпринимается удачная попытка показать, что принятие христианства означало не только выбор веры, но и принятие нового строя жизни, основанного на законе.

Важнейшим источником для понимания ментальных аспектов публичной власти на Руси является монография русского, советского учёного В. Е. Вальденберга¹³, представившего анализ истоков идейного обоснования статуса государя. Автор соотносит собственно русское представление о княжеской и царской власти с византийским идейным наследием. Важнейшим выводом можно назвать идею автора о том, что ни в Древней Руси, ни даже в Византийской империи власть государя не трактовалась как неограниченная и самоценная.

Среди зарубежных работ, посвящённых истории Древней Руси, для настоящего исследования особый интерес представляют книги «Writing, Society and Culture in Early Rus: c. 950–1300»¹⁴ и «The Emergence of Rus: 750–1200»¹⁵, в которых центральным объектом исследования выступает генезис древнерусской государственности. Отдельно стоит сказать об относительно небольшой по объёму статье «Russian History: From the Early East Slavs to the Grand Duchy of Moscow»¹⁶, в которой со ссылками на работы западноевропейских учёных приводится ряд важных выводов о чертах древнерусской государственности.

Ещё в XIX веке в отечественной исторической науке возник интерес и к изучению истории Византийской империи. Византийское влияние на русскую культуру уже в I половине XIX века рассматривалось в трудах российских фило-

¹² Толочко П. П. Власть в Древней Руси. X–XIII века. СПб., 2011

¹³ Вальденберг В. Е. Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. М., 2006.

¹⁴ Franklin, Simon. Writing, Society and Culture in Early Rus: c. 950–1300. Cambridge, 2002.

¹⁵ Franklin, Simon. Shepard, Jonathan. The Emergence of Rus: 750–1200. White Plains, NY, 1996.

¹⁶ Paolantoni, Julien. Russian History: From the Early East Slavs to the Grand Duchy of Moscow // Global Research, September 26, 2012.

софов, причём зачастую оно становилось предметом острой критики. Вероятно, критический настрой отечественных специалистов был вызван не в последнюю очередь недостатком исследований, посвящённых Византии. До конца XIX века крупнейшим исследованием оставалась работа Э. Гиббона «Упадок и разрушение Римской империи»¹⁷. История Византии, справедливо освещаемая автором как продолжение истории Римской империи, рассматривалась как непрерывная деградация последней. Хотя Э. Гиббон упоминает о достижениях византийской цивилизации и государственности, эти упоминания поданы именно через призму «упадка и разрушения».

Новый импульс к изучению византийской культуры и византийского идейного наследия в России и за рубежом дало издание в 1857–1866 годах Джоном Майном 166 книг «*Patrologia Graeca*»¹⁸, вобравшее в себя все доступные к середине XIX века труды византийских авторов. По сей день именно в этом сборнике можно найти важнейшие источники, проливающие свет на представления византийцев об императорской власти. Заслуживают особого упоминания и переведённые на русский язык уже после смерти автора труды Ш. Диля¹⁹.

Среди работ западноевропейских византистов XX века особое место благодаря обширности и глубине исследования занимают монографии Н. Йорги²⁰ и Н. Байнса²¹ с одинаковыми названиями. Отдельно необходимо сказать о работе югославского византиста русского происхождения Г. А. Острогорского²², которая была переведена на русский язык через 70 лет после написания, в 2011 году. Острогорский одним из первых рассматривал развитие Византии не как последовательность правлений императоров и династий, а как череду вызовов и ответов, а также как смену элит, приходящих к власти с каждой новой династией.

Из позднейших работ ценность для целей настоящего исследования представляют выводы А. Гийу²³ об особенностях византийской цивилизации, касаю-

¹⁷ Гиббон Э. Упадок и разрушение Римской империи / Пер. с англ. Л. А. Игоревского. М., 2005.

¹⁸ Migne J. P. *Patrologia Graeca*. 166 vols. Paris, 1857–1866.

¹⁹ Диль Ш. История Византийской империи. М., 1948; Его же. Основные проблемы византийской истории. М., 1947; Его же. Византийские портреты. М., 1994.

²⁰ Iorga N. *The Byzantine Empire*. London, 1907.

²¹ Baynes N. H. *The Byzantine Empire*. London, 1925.

²² Острогорский Г. А. История Византийского государства. М., 2011.

²³ Guillou A. *La Civilisation Byzantine*. Paris, 1974.

щихся общественных отношений и функционирования публично-властных институтов. Вслед за Э. Гиббоном А. Гийу рассматривает Византию как продолжение бытия Римской империи. Однако он не видит в этом бытии непрерывную дорогу к гибели, а трактует Византию как средневековую форму римской цивилизации и римской публично-властной традиции в частности. Система государственного управления Византии освещается у Гийу не как деспотия, а как сложная система европейского типа. С похожих позиций рассматривается византийская история в работах «*A History of Byzantium*»²⁴ и «*A Social History of Byzantium*»²⁵.

Пониманию внутренних основ византийского общества, а значит, и его системы публичной политической власти способствуют работы «*Hellenism in Byzantium*»²⁶ и «*Being Byzantine*»²⁷, посвящённые феномену византийского эллинизма и византийской идентичности в рассматриваемый период.

Идеологическим основам византийской императорской власти и переосмыслению этой идеологии в Московской Руси посвящены работы американского священника о. Иоанна Мейендорфа²⁸, в очерках которого показано, что заимствование и религиозной культуры, и политической идеологии на Руси было зачастую поверхностным, ограничиваясь лишь внешними формами, без внимания к внутреннему содержанию. Смежному вопросу — преемству доктрины княжеской власти Московской Руси по отношению к доктрине императорской власти Византии — посвящена относительно небольшая, но чрезвычайно содержательная статья американского историка Майкла Чернявского²⁹. Автор делает вывод о том, что московские князья хотя и не позиционировали себя прямо в качестве преемников золотоордынских ханов, но опирались именно на их политическую практику при выстраивании идеологии собственной власти. Византийские же атрибуты не подразумевали реального идеологического преемства по отношению

²⁴ *Haldon J. A Social History of Byzantium. Chichester; Malden, MA, 2009.*

²⁵ *Gregory T. A History of Byzantium. Hoboken, NJ, 2011.*

²⁶ *Kaldellis A. Hellenism in Byzantium: The Transformations of Greek Identity and the Reception of the Classical Tradition. Cambridge, 2007.*

²⁷ *Page G. Being Byzantine: Greek Identity before the Ottomans, 1200–1420. Cambridge, 2008.*

²⁸ *Meyendorff J. Rome, Constantinople, Moscow: Historical and Theological Studies. Crestwood, NY, 1996.*

²⁹ *Cherniavsky M. Khan or Basileus: An Aspect of Russian Medieval Political Theory // Journal of the History of Ideas. 1959.*

к власти василевсов. Исследованию доктрины «Москва — Третий Рим», ключевой для настоящей диссертационной работы, в частности, посвящены публикации Н. В. Сеницыной и Е. В. Тимошиной³⁰.

На рубеже XIX–XX веков исследование истории византийской государственности было обогащено трудами видных отечественных специалистов. Работа Н. А. Скабалановича³¹ касается взаимодействия и конкуренции константинопольских императоров и патриархов в эпоху становления христианства на Руси. П. В. Безобразов, рассматривая тот же вопрос в работе «Очерки Византийской культуры»³², утверждает, что в Византии император доминировал над духовной властью и даже сама идея симфонии содержала в себе скрытый цезарепапизм.

Вопросам эволюции византийского законодательства посвящён двухтомник Д. И. Азаревича³³, ставший основой для дальнейшего изучения византийского правового наследия в России. Труд Азаревича стал отправной точкой для работ виднейших отечественных специалистов по византийскому праву XX века — И. П. Медведева³⁴, Е. Э. Липшиц³⁵ и др.

Богатейшими источниками фактических данных по истории Византии стали созданные в ту же эпоху труды А. А. Васильева³⁶ и Ю. А. Кулаковского³⁷. Наиболее детальным исследованием тысячелетней византийской истории стал пятитомный труд Ф. И. Успенского³⁸. В нём обобщаются все данные по византийской истории, в том числе эволюции византийских властно-правовых институтов. Наряду с этим уделяется немалое внимание формулировке самого понятия «византинизма», а также изучению влияния византинизма на различные сферы жизни Древней Руси.

³⁰ Сеницына Н. В. Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998; Тимошина Е. В. Теория «Третьего Рима» в сочинениях «Филофеева цикла» // Правоведение. 2005. №4. С. 181–208.

³¹ Скабаланович Н. А. Византийское государство и церковь в XI веке. СПб., 2004.

³² Безобразов П. В. Очерки Византийской культуры. Петроград, 1919.

³³ Азаревич Д. История византийского права. Ярославль, 1877.

³⁴ Медведев И. П. Развитие правовой науки // Культура Византии. Вторая половина VII — XII в. / Ответственные редакторы З. В. Удальцова и Г. Г. Литаврин. М., 1989.

³⁵ Липшиц Е. Э. Законодательство и юриспруденция в Византии IX–X вв. М., 1981.

³⁶ Васильев А. А. История Византии. В 3 томах. Л., 1923–1925.

³⁷ Кулаковский А. Ю. История Византии. В 3 томах. СПб., 1996.

³⁸ Успенский Ф. И. История Византийской империи. В 5 томах. М., 2001.

Восприятие феноменов власти и права византийскими мыслителями, статус главы византийского государства, характер его взаимодействия с другими высшими институтами византийской государственной власти нашли подробное освещение в монографиях В. Е. Вальденберга³⁹.

Изучение истории Византии активно продолжалось в СССР во второй половине XX века. В это время крупнейшие специалисты Академии наук — Г. Г. Литаврин⁴⁰, З. В. Удальцова⁴¹, И. П. Медведев⁴² — поднимают в своих исследованиях темы влияния византийской правовой и политической традиции на русскую государственность, особенности восприятия феномена публичной политической власти.

Для понимания средневековых представлений о власти русского великого князя и византийского императора важны работы Игоря Сергеевича Чичурова и, прежде всего, его книга «Политическая идеология средневековья. Византия и Русь»⁴³.

Цивилизационный аспект культурной ориентации Руси на Византийскую империю, важный для настоящего исследования, позволяет уяснить работа Игоря Григорьевича Яковенко «Познание России»⁴⁴. В ней даются ответы на вопросы о истоках и последствиях конфессионального и культурного выбора, сделанного древними русичами в пользу византийского православия, а также об особенностях самой православной цивилизации как одного из «культурных кругов, делящих между собой общехристианское культурное поле».

³⁹ Вальденберг В. Е. История византийской политической литературы. СПб., 2008; Его же. Государственное устройство Византии. СПб., 2008.

⁴⁰ Литаврин Г. Г. Идея верховной государственной власти в Византии и Древней Руси домонгольского периода // Славянские культуры и Балканы. София, 1978.

⁴¹ Удальцова З. В., Котельников Л. А. Власть и авторитет в средние века // Византийский временник. 1986. Т. 47.

⁴² Медведев И. П. Империя и суверенитет в средние века (на примере истории Византии и сопредельных стран) // Проблемы истории международных отношений. Л., 1972.

⁴³ Чичуров И. С. Политическая идеология средневековья. Византия и Русь. М., 1991.

⁴⁴ Яковенко И. Г. Познание России: Цивилизационный анализ. М., 2008.

Подробный обзор эволюции византийской политической культуры в IX–XIV веках представлен в отдельных главах сборника «Культура Византии», опубликованного изданием «Наука» в 1989–1991 годах⁴⁵.

Среди российских работ по истории Византии, написанных в XXI веке, наиболее известен пятитомник А. М. Величко⁴⁶. В этом объёмном труде предпринята очередная попытка рассмотреть византийскую историю через призму деятельности и характеров византийских императоров. Однако гораздо более удачно и лаконично подобное исследование провёл ещё в конце XX века С. Б. Дашков⁴⁷. Безусловно важно для понимания особенностей византийской государственности исследование А. А. Чекаловой⁴⁸.

Таким образом, в течение XIX и XX веков крупнейшими отечественными и зарубежными специалистами неоднократно освещались вопросы византийской и русской истории и их взаимном влиянии. Дискуссия о векторе и значении этого влияния продолжается, она актуальна и по сей день.

Несмотря на богатую литературу по исследуемому вопросу, можно констатировать, что объектом исторических и историко-правовых исследований никогда не выступало прямое сопоставление статусов византийских и русских государей. Сравнивались в целом культуры двух народов, влияние византийского права и политической идеологии на организацию власти на Руси. Между тем, изучение статуса византийских и русских государей, их роли в системе государственного управления, а также целей осуществления ими своей власти позволит наглядно продемонстрировать сущность государственности двух народов. На этом примере наиболее наглядно прослеживаются как те политические традиции, которые русские заимствовали в Византии, так и приписываемые византийскому влиянию черты, истоки которых не имеют отношения ни к византийской, ни вообще к европейской политической культуре.

⁴⁵ Культура Византии. Вторая половина VII — XII в. / Ответственные редакторы З. В. Удальцова и Г. Г. Литаврин. М., 1989.

Культура Византии. XIII — первая половина XV в. / Ответственный редактор Г. Г. Литаврин. М., 1991.

⁴⁶ Величко А. М. История Византийских императоров. В 5 томах. М., 2009–2010.

⁴⁷ Дашков С. Б. Императоры Византии. М., 1996.

⁴⁸ Чекалова А. А. У истоков византийской государственности: сенат и сенаторская аристократия Константинополя. М., 2007.

Теоретическую основу исследования составили труды учёных, в разные эпохи изучавших теорию и историю организации публичной политической власти в Древней Руси, в Византийской империи и в Московском государстве. В ходе исследования учитывались оценки формы Древнерусского государства, почерпнутые из работ В. И. Сергеевича, В. Е. Вальденберга, А. Е. Преснякова, И. Я. Фроянова, Б. Д. Грекова, А. А. Горского, М. Б. Свердлова, М. Н. Тихомирова, И. Н. Данилевского, Б. А. Рыбакова, П. П. Толочко. Выводы о важнейших чертах статуса византийского императора сделаны на основе работ В. Е. Вальденберга, Д. И. Азаревича, Н. А. Скабалановича, Ф. И. Успенского, Г. А. Острогорского, М. А. Поляковской, Г. Г. Литаврина, З. В. Удальцовой, Е. Э. Липшиц, И. П. Медведева, А. А. Чекаловой. Средневековое Московское государство и статус его монарха исследовались с учётом выводов таких учёных, как А. М. Сахаров, А. Л. Юрганов, С. О. Шмидт, Н. П. Загоскин, А. А. Зимин, Н. М. Золотухина, В. Б. Кобрин. Осмыслению особенностей формирования и развития древнерусского права и государства, права и государства Московской Руси, а также влияния византийской традиции на русское правосознание посвящены работы Н. Н. Алексеева⁴⁹, И. С. Чичурова, И. Г. Яковенко. Для понимания адекватности характеристики поздневизантийской и московской государственности как деспотической формы организации власти использовались идеи академика В. С. Нерсесянца⁵⁰. Для оценки эволюции русской публичной политической власти в эпоху становления единого государства с центром в Москве и сущности власти великого князя были использованы, наряду с вышеперечисленными, работы Г. П. Федотова, о. И. Мейендорфа, В. И. Саввы.

Источниковая база исследования. Дополнительный интерес настоящему исследованию сообщает проблема, связанная с непропорциональностью объёма письменных источников по истории Византии и Руси рассматриваемого периода. На то есть объективные причины: если в Византии в эпоху Средневековья существовала унаследованная с Античности письменная культура, то на Руси в это время она лишь начинала формироваться.

⁴⁹ Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М., 2003.

⁵⁰ Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства. М., 1999. С. 235.

Источниками по истории Руси рассматриваемой эпохи можно назвать «Повесть временных лет» и сборник «Памятники литературы Древней Руси»⁵¹, а также списки других летописей⁵². Свидетельства средневековых авторов позволяют подтвердить тезисы настоящего диссертационного исследования.

Любопытные факты и обобщения можно почерпнуть из работы С. Герберштейна «Записки о Московии»⁵³, написанной в начале XVI века с точки зрения аристократа, воспитанного в правовых традициях тогдашней Западной Европы.

Источниками, отражающими политико-правовые идеи древнерусских мыслителей, стали «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона⁵⁴, «Поучение» Владимира Мономаха⁵⁵, «Изборник» Святослава 1076 года⁵⁶, «Моление» Даниила Заточника⁵⁷, а также «Слово о погибели Земли Русской»⁵⁸. Непосредственно политических идей в этих произведениях существенно меньше, чем в трудах их византийских современников, однако отдельные тезисы интересны как отражение древнерусских представлений о власти князя. Особенно важны «Поучение» (как свидетельство самого князя, отражающее собственное представление облечённого властью правителя о сущности и целях княжеского правления) и «Слово о Законе и Благодати», адресованное князю и отражающее доктрину великокняжеской власти.

Схожий интерес представляет и полемика царя Ивана IV Грозного с Андреем Курбским⁵⁹. Доктрина царской власти, озвученная самим царём, противостоит здесь альтернативной, «крамольной» точке зрения, отражающей отвергнутые

⁵¹ Повесть временных лет / Древнерусский текст, перевод и комментарии Д. С. Лихачёва. М., Л., 1950.

⁵² Напр., Радзивилловская летопись. / Отв. ред. М. В. Кукушкина. СПб., М., 1994.

Изборник 1076 года / Под ред. С. И. Коткова. М., 1965.

⁵³ Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии / пер. А. В. Назаренко. М., 1988.

⁵⁴ Митрополит Иларион. Слово о Законе и Благодати // Памятники литературы Древней Руси / Составление и редакция Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачёва; составление 12 выпуска С. И. Николаева и А. М. Панченко; послесловие Д. С. Лихачёва. М., 1994.

⁵⁵ Владимир Мономах. Поучения // Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси) / Сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачёва. М., 1969.

⁵⁶ Изборник Святослава 1073 года: Факсимильное издание в 2-х томах. М., 1983.

⁵⁷ Моление Даниила Заточника / Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси) / Сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачёва. М., 1969.

⁵⁸ Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Земли Русской». М., Л., 1965.

⁵⁹ Переписка Ивана Грозного с А. Курбским. Л., 1979.

в процессе формирования Московского царства политические воззрения. Переписка эта интересна обилием ссылок на византийскую историю и творческим своеобразием интерпретации политической культуры Византии. Предшествовавшие этой полемике политико-правовые концепции легендарного монаха Филофея, идеи Максима Грека, Нила Сорского и Иосифа Волоцкого, размышления А. Пересветова представляют спектр политических идей эпохи становления Московского государства.

Источники по истории Византии, политико-правовым идеям византийских мыслителей представлены историческими трудами Льва Диакона⁶⁰, Михаила Пселла⁶¹ и Никиты Хониата⁶². Помимо подробного описания событий современной им истории, все они оставили размышления о должном и сущем в византийской политике. Актуальным представляется и обращение к хроникам автора, известного как «Продолжатель Феофана»⁶³.

«Алексиада» Анны Комниной⁶⁴ позволяет судить о характеристиках идеального императора в представлении византийца эпохи первых веков русской истории. Описывая жизнь своего отца, принцесса Анна выступает не всегда как историк — особенно в тех моментах, когда необходимо подчеркнуть достоинство собственного родителя. Небезынтересны и «Записки» её супруга Никифора Вриенния⁶⁵.

Помимо исторических произведений, в качестве источников выступают и философские очерки. Так, особого внимания заслуживает литературное наследие Кекавмена, говоря словами Г. Г. Литаврина, «типичного представителя визан-

⁶⁰ Лев Диакон. История. М., 1988.

⁶¹ Михаил Пселл. Хронография / Пер. Я. Н. Любарского. М., 1978.

⁶² Никита Хониат. Никиты Хониата история, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина / Пер. под ред. В. И. Долоцкого и И. В. Чельцова // ВИПДА. СПб., 1860–1862.

⁶³ Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей / Перевод, статьи, комментарии Я. Н. Любарского. СПб., 1992.

⁶⁴ Анна Комнина. Алексиада / Вступительная статья, перевод, комментарий Я. Н. Любарского. М., 1965.

⁶⁵ Никифор Вриенний [Кесарь]. Исторические записки Никифора Вриенния / Пер. под ред. В. Н. Карпова // ВИПДА. СПб., 1858.

тийского среднего класса», оставившего размышления, в частности, о законах, государственном управлении и императорской власти⁶⁶.

Отдельно стоит упомянуть произведения императора Константина VI Багрянородного⁶⁷ как изложение взглядов действующего главы государства на власть и право.

Трактат «О царском воспитании»⁶⁸, а также толкования на книги Нового Завета⁶⁹ архиепископа Феофилакта Болгарского представляют интерес для выяснения политико-правовых взглядов представителя византийской интеллектуальной элиты XI века. В размышлениях о христианской доктрине императорской власти Феофилакт опирался на идеи ранневизантийских богословов, а потому для целей настоящего исследования интересны «Толкования» Иоанна Златоуста⁷⁰ и «Нравственные правила» Василия Великого⁷¹.

Методология настоящего исследования включает совокупность общенаучных, специальных и частных (юридических) методов. Для целей настоящей работы наиболее актуальным представляется использование частного методологического инструментария, выработанного историко-правовыми науками: историко-сравнительный метод необходим для сопоставления уровня общественно-политического развития двух стран, сравнительно-правовой позволяет выявить общее и особенное в системах государственной власти на Руси и в Византии, системно-структурный метод способствует определению места и роли государя в государственном аппарате исследуемых стран в рассматриваемую эпоху. Принцип историзма предполагает рассмотрение статуса государя с учётом уровня

⁶⁶ *Кекавмен*. Советы и рассказы: Поучение византийского полководца XI века / Подготовка греч. текста, введение, перевод с греч., комментарий Г. Г. Литаврина. СПб., 2003.

⁶⁷ *Константин Багрянородный*. Об управлении империей / Текст, пер., комм. под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1991.

Константин Багрянородный. О церемониях византийского двора (отрывки) // Памятники византийской литературы IV–IX вв. / Отв. ред. Л. А. Фрейберг. М., 1968.

Об областях Римской империи: сочинение Константина Багрянородного / Перев. с греч. // ЧОИДР. 1858. Июль–сентябрь. Кн. 3.

⁶⁸ Текст этот, как и оригинальные тексты большинства остальных упомянутых византийских авторов, можно найти в *Migne J. P. Patrologia Graeca*.

⁶⁹ Апостол с толкованием блаженного Феофилакта, архиепископа Болгарского. Смоленск, 2006; Святое Евангелие с толкованием блаженного Феофилакта, архиепископа Болгарского. Почаев, 2008.

⁷⁰ *Святитель Иоанн Златоуст*. Толкование на Евангелие: в 3-х томах. М., 2011.

⁷¹ *Святитель Василий Великий*. Нравственные правила. М., 2011.

развития общественных отношений данного народа в конкретную эпоху. Применение совокупности этих методов позволяет комплексно и системно подойти к решению заявленных выше задач, провести всестороннее сравнение статусов государей Византийской империи, Древней и Средневековой Руси.

Новизна данного исследования состоит в том, что предпринята попытка комплексного сравнительного историко-правового исследования статусов государей Византийской империи, Киевской Руси и Московского царства с целью выявления общего и особенного. Несмотря на достижения отечественной и мировой науки в изучении истории Византийской империи, Древней и Средневековой Руси, сравнительно-правовой аспект исследования был незаслуженно обойдён вниманием. Между тем, без научной интерпретации кажущейся «похожести» византийской и русской государственности невозможно обоснованно сравнивать политико-правовые традиции двух народов, а тем более говорить о византийских истоках организации власти в Московском царстве.

Проведённое исследование позволило автору сформулировать основные положения, выносимые на защиту:

1. Источником власти государя в Древней Руси и в Византии считалась воля Бога, выраженная в выборе народа. При этом в Древней Руси идея происхождения власти государя не только от воли Бога, но и от воли народа была выражена в доктрине и на практике ярче, чем в Византии. В Московской Руси в обосновании использовалось только теологическое начало: источником власти государя считалась исключительно воля Бога.

2. И в Византии, и в Древней Руси, и в Московской Руси государь возглавлял систему государственного управления, был верховным законодателем, военным вождём и покровителем Церкви. При этом полномочия византийского императора и московского великого князя (царя) были значительно шире полномочий древнерусского князя, вынужденного делить свою власть с вечем и дружиной. Главной целью властвования в Древней Руси и в Византии считалась защита подданных и обеспечение их благополучия, а в Московской Руси на первый план выходила защита интересов государства.

3. Основные институциональные характеристики государственного управления Древней Руси и, в частности, институт великого князя формировались и эволюционировали независимо от византийского влияния. Внешнее сходство некоторых институтов государственного управления и элементов статуса государя у двух народов следует рассматривать не как следствие рецепции русскими византийской модели государства, а как свидетельство типовой принадлежности обоих государств к средневековым православным монархиям.

4. И в Византии, и в Древней Руси государь по крайней мере доктринально обязан был соблюдать законы государства, христианские морально-этические нормы и действовать в интересах подданных. Это служило основанием для оценки деятельности государя. Согласно доктрине, за результаты своей управленческой деятельности древнерусский и византийский государь отвечали в первую очередь перед Богом, однако на практике подданные в обеих странах могли свергнуть неугодного им государя (например, изгнать князя, отправить императора в монастырь и т. п.). В Московской Руси критериев оценки правления государя не существовало. Смысл его деятельности считался недоступным для понимания подданных, и ответственность перед ними не предусматривалась доктриной и не могла быть реализована на практике.

5. Согласно византийской доктрине, новый император мог занимать престол в результате выбора народа, хотя на практике в рассматриваемую эпоху власть чаще всего переходила к тому, на кого указывал предыдущий император, а выборный принцип реализовывался лишь в случае свержения или пресечения династии. На Руси в это же время князем мог стать исключительно представитель династии Рюриковичей. Однако если в домонгольскую эпоху князь получал власть по принципу «лествичного восхождения» или по «ряду» с вечем, то в Московской Руси власть передавалась исключительно от отца сыну.

6. Права подданных в Византийской империи должны были охраняться государством как права свободных граждан. Подданные московского великого князя считались, независимо от общественного положения, холопами монарха, личные и гражданские права которых существовали постольку, поскольку нужны были для реализации государственных интересов. Ни одно из сословий Мос-

ковской Руси не считалось свободным, и каждый подданный был включён в своеобразную пирамиду иерархической личной зависимости, вершиной которой был великий князь (царь).

7. В Византии господствовала доктрина «симфонии» духовной и светской властей, согласно которой император не обладал полномочиями главы Церкви. Однако на практике многие императоры пытались действовать в духе цезарепапизма, вмешиваясь в церковные дела и по административным, и по вероучительным вопросам. Такое вмешательство в Византии считалось проявлением деспотизма и зачастую вызывало противодействие со стороны духовенства и подданных: в частности, сами византийские иерархи вмешивались в дела государственного управления. На Руси государи, также доктринально не обладая полномочиями главы Церкви, не вмешивались в вопросы вероучения (за исключением вопроса о принятии Ферраро-Флорентийской унии), однако оставляли за собой последнее слово в вопросах церковного администрирования. Русское духовенство, в отличие от византийского, самоустранилось от участия в государственном управлении и ограничило свою роль в политических процессах функцией посредника в княжеских распрях и поддержкой идеи объединения государства. Таким образом, при конфессиональной общности русских и византийцев практика взаимоотношений государя и духовенства на Руси и в Византии отличалась.

8. Средневековая русская традиция публично-властной деятельности не была продолжением ни византийской, ни древнерусской государственной традиции. Она реализовывалась в практике органов государственного управления Московской Руси, заимствованной в период монголо-татарского владычества. В этой практике отсутствовали даже неформальные ограничения власти монарха, наличие которых можно усмотреть в византийской публично-правовой практике.

9. В Византии идея защиты подданного от государственного произвола не вызывала сомнений, тогда как в Московском царстве лишь отдельные представители интеллектуальной элиты высказывали идеи о необходимости защиты подданных от произвола в процессе осуществления государственного управления. Хотя византийская политическая доктрина далеко не всегда соответствовала политической практике, нарушение этого своеобразного общественного договора

воспринималось подданными как извращение природы и задач императорской власти, за которые император мог быть детронизирован. Из более чем сотни византийских императоров каждый третий был низложен, аналогов чему в истории Московской Руси не прослеживается.

Структура работы определяется поставленными задачами. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованных источников и монографической литературы.

Апробация результатов исследования. Диссертация подготовлена и обсуждена в секторе истории государства, права и политических учений Института государства и права Российской академии наук. Основные положения диссертации нашли отражение в курсе «Теория права», преподавание которого проводилось для учащихся лицейских классов правового направления ГОУ СОШ № 81.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается выбор темы, её актуальность, объект и предмет исследования, дан обзор научной литературы и источников по теме, отражена новизна исследования, сформулированы положения, выносимые на защиту, обозначены методы исследования.

Глава первая «Древнерусская традиция княжеской власти и византийское влияние» состоит из семи параграфов.

В первом параграфе **«Источники власти древнерусского князя и византийского императора»** рассмотрены представления русичей и византийцев о происхождении и источниках власти великого князя и императора. Приведены примеры свойственных обоим народам представлений о происхождении власти государя от Божественного установления, воплощённого в воле народа, вручившего высшие управленческие полномочия государю. Даны примеры выражения представлений о происхождении императорской власти от власти народа в византийской политико-правовой доктрине, в частности — в Дигестах. На основании летописных источников проиллюстрировано то обстоятельство, что на протяжении всего домонгольского периода истории Руси можно найти примеры призвания или смещения князя вечем (например, изгнание из Киева князя Изяслава в 1068 году, приглашение в Киев Владимира Мономаха в 1113 году, князя Изяслава в 1146 году, князя Мстислава в 1169 году), причём не только в Киеве, но и в других городах. В вечевых республиках Новгорода, Пскова и Вятки эта практика сохранилась и после монгольского нашествия. Вместе с тем, на Руси народное участие в поставлении государя было освящено лишь традицией, тогда как в Византии демократическая идея была закреплена в письменной доктрине, а также в придворном церемониале: каждая интронизация монарха опосредовалась формальным (а иногда и фактическим — например, как при воцарении Ласкарисов) выдвижением его кандидатуры представителями аристократии, духовенства, армии и народа.

Во втором параграфе **«Цели осуществления власти и полномочия государя в Древней Руси и в Византийской империи»** на основании анализа идей-

ного наследия политических мыслителей двух стран делается вывод о том, что оба народа в качестве основной цели государственной власти рассматривали благо подданных, которое государь обеспечивает путём защиты личности и собственности подданного от внешних врагов, произвола сильных (в том числе и через обеспечение правосудия и справедливое законодательство), а также путём благотворительной помощи слабейшим. «Задачу императорской власти новеллы определяют как общую пользу или общее благо, причём к этой цели власть должна стремиться при непременном условии соблюдения законности»⁷² — эту идею византийского законодательства разделяют политические мыслители той эпохи и в Византии, и на Руси. Подобные взгляды характерны, в частности, для Владимира Мономаха и митрополита Илариона на Руси, а также для Анны Комниной и Кекавмена в Византии.

Названными целями обусловлены полномочия древнерусского и византийского государя. В обеих странах государь — это военный вождь, верховный законодатель и судья, покровитель Церкви и попечитель подданных. К его компетенции отнесено и текущее административное управление, в том числе решение важнейших финансовых вопросов, и представительство в межгосударственных отношениях. При этом и сам государь подчинён государственным законам. На практике все названные полномочия по осуществлению высшего государственного управления в Византии были сконцентрированы в руках императора, тогда как на Руси великий князь в большей или меньшей степени был зависим от мнения собственной дружины и веча: так, например, в Византии вопросы войны и мира, организации финансовой системы и т. п. император решал самостоятельно, тогда как на Руси подобные решения, как правило, могли быть реализованы только с опорой на дружину и в отсутствие однозначно выраженного противодействия веча, примеры чему можно найти и в правлении Игоря Старого (например, решение о заключении мира с Византией), и в правлении Владимира Великого (например, выбор веры), и в правлении других князей.

В третьем параграфе «**Оценка деятельности государя и его ответственность в Древней Руси и в Византийской империи**» приводятся примеры из

⁷² Вальденберг В. Е. История византийской политической литературы. СПб., 2008. С. 277.

истории обоих народов, свидетельствующие о правомерности оценки подданными своих государей. Сама постановка такого вопроса важна в силу того, что свидетельствует о восприятии власти государя как носящей целевой характер. Содержанием власти государя, таким образом, являлась не реализация собственного произвола, а успешное осуществление возложенных на него полномочий для достижения благополучия подданных.

В этом контексте и древнерусский, и византийский государь мыслился ответственным за своё правление как перед Богом (в первую очередь), так и перед подданными (хотя применительно к Руси ответственность князя перед подданными на доктринальном уровне чётко не обозначена). Случаи детронизации государя, когда в качестве обоснования низложения выступало невыполнение им своих обязанностей или неэффективное управление, более характерны для Византии, чем для Киевской Руси. Впрочем, и в русских летописях можно найти примеры того, что народное недовольство становилось причиной изгнания князя (например, кроме приведённых выше случаев, изгнание князя Всеволода из Новгорода в 1136 году, князя Владимира из Галича в 1188 году и т. д.). Таким образом, идеи об ответственности государя не оставались исключительно теоретическими, а могли быть реализованы и в политической практике.

В четвёртом параграфе «**Престолонаследие в Древней Руси и в Византийской империи**» внимание уделено одной из черт политической практики, в которой статус византийского императора заметно отличается от статуса древнерусского князя. В отличие от Византии, на Руси придавалось первостепенное значение династическому принципу передачи власти. Не только в домонгольскую эпоху, но и вплоть до конца XVI века русским государем мог стать лишь представитель рода Рюриковичей — независимо от того, наследовал ли он власть или призывался воем.

В Византийской империи — по крайней мере доктринально — каждый новый император получал власть непосредственно от народа, а не от своего предшественника. Наследования императорской власти формально не было, хотя, как правило, принадлежность к правящему роду оказывалась важнейшим фактором при решении вопроса престолонаследия. Фактическая реализация в Византии

династического принципа передачи власти формально основывалась на том, что именно назначенный императором наследник считался наиболее достойным кандидатом при выборах нового императора.

В пятом параграфе **«Взаимоотношения древнерусского князя и византийского императора с высшими совещательными органами»** рассмотрен вопрос о том, в какой мере совет высшей аристократии мог считаться институциональным ограничением власти государя в Древней Руси и Византийской империи.

Происхождение органа государственного управления, объединявшего представителей высшей аристократии на Руси и в Византии, различно. Если византийский синклит мыслил себя продолжателем античного римского сената, то княжеский совет вырос из собрания «старшей» дружины и представителей племенной аристократии. На протяжении большей части исследуемого периода оба совещательных органа представляли собой собрания служилой элиты и наследственной аристократии.

К рассматриваемому периоду византийский синклит утратил и большую часть своего влияния на императора, и законодательные функции. За редким исключением, он либо оформлял решения императора, либо рассматривал отдельные вопросы по его указанию. Княжеская дружина решала вопросы вместе с князем, а позднее могла выступить и в оппозиции к нему, примеры чего можно найти в летописных памятниках. Поэтому князь вынужден был считаться с мнением этого совета. Обусловлено это было не в последнюю очередь тем, что император в случае оппозиции синклита мог опереться на армию, в то время как в Киевской Руси в случае недовольства дружины князь лишался и поддержки своих профессиональных воинов, составлявших ядро и наиболее боеспособную часть народного ополчения. По этой причине, например, Владимиру Мономаху приходилось убеждать свою дружину начать боевые действия против половцев.

В шестом параграфе **«Взаимоотношения древнерусского князя и византийского императора с народными собраниями»** анализируется возможность непосредственного участия подданных в решении вопросов государственного управления.

И на Руси, и в Византии народные собрания зародились как институты непосредственной демократии ещё до возникновения самих государств. Однако в Византии деятельность народных собраний сошла на нет уже к VI веку, а в рассматриваемый период даже в Константинополе они не участвовали в решении политических вопросов и их роль сводилась к церемониальному присутствию на коронации, в ходе которой своим одобрением они должны были символизировать выражение воли народа, передающего власть императору.

На Руси, напротив, вече собиралось в большинстве крупных городов (Киев, Галич, Владимир, Полоцк, Псков), причём в отдельных случаях в таких вечевых собраниях участвовали и представители пригородов (Новгород). На протяжении всей домонгольской эпохи вечевые собрания участвовали в принятии политических решений: так, например в 968 и 997 годах при осаде печенегами Киева вече решает вопросы войны и мира, схожий вопрос решает вече Владимира в 1175 году, а в 1177 году — вече Ростова. Вече порой не только оспаривало действия князя, но и принимало решения о его смещении и призвании (например, в ходе событий 1068–1069 годов, последовавших за поражением от половцев на Альте). Подобная практика в Новгородской, Псковской и Вятской землях приобрела характер системной деятельности. Но и в других древнерусских землях князь, как правило, не мог действовать без опоры на мнение вечевого собрания.

Схожим образом в Византии император хотя и подчинил себе деятельность общественных собраний, но зачастую не мог действовать, не опираясь на собственныхников. Крупнейшие собственники империи выдвигали из своей среды новые императорские династии, которые должны были представлять их интересы.

В седьмом параграфе **«Церковь и её взаимоотношения с древнерусским князем и с византийским императором»** описаны особенности организационно-административного бытия восточно-христианских церквей, имевшие последствия в их практике взаимоотношений с государем, а также уделено внимание православному учению о политической власти.

На западе Европы Римская церковь возникла как наднациональная организация. Монархи множества западноевропейских государств имели своим духовным главой одного первоиерарха — папу Римского. На востоке Европы к IX веку

дело было организовано по другому принципу: у каждого народа была своя поместная церковь. В этих условиях на западе Европы стало возможно возникновение феномена папоцезаризма, тогда как на востоке каждая поместная церковь постепенно вынуждена была признать верховенство собственного государя в решении политических вопросов.

Степень такого подчинения была неодинакова в разных восточноевропейских странах. Если в Византии церковные иерархи, сами не будучи свободны от воздействия со стороны императорской власти, стремились участвовать и участвовали в государственном управлении (например, патриархи Фотий в IX веке и Михаил Керуларий в XI веке), создавая известное ограничение власти императора, то на Руси духовенство изначально самоустранилось от политики. Единственным исключением была деятельность новгородского архиепископа, являвшегося высшим должностным лицом «вечевой республики».

Неправильно было бы искать причины подчинения духовенства власти государя в православном вероучении. На примере трудов Феофилакта Болгарского, обобщающего и анализирующего учение Иоанна Златоустого и других византийских богословов, можно увидеть, что в православии власть, а тем более личность государя, не рассматривается как священная. Отношение православных к государю и к светской власти вообще вполне может быть утилитарным, следовательно, подчинение государю имеет свои цели и свои пределы. Православные имеют обязанности по отношению к государю постольку, поскольку сам государь имеет обязанности по отношению к своим подданным.

Форма практической реализации этих принципов в политической реальности того или иного христианского государства зависит, в первую очередь, от политической культуры данного государства, а не от особенностей христианского вероучения.

На основании рассмотренных в первой главе вопросов делается вывод о том, что в целом же процесс формирования княжеской власти в Древней Руси проходил без заметного заимствования византийских образцов. Большинство элементов статуса государя, которые касаются практики реализации государем своей власти, обнаруживают самобытность византийской и древнерусской государст-

венности. Вместе с тем нельзя не заметить, что политическая практика двух народов базировалась на близких идейных основаниях, а именно на сочетании тенденций к концентрации властных полномочий в руках государя с осознанием того, что целью такой концентрации является, в первую очередь, наилучшая защита интересов подданных, которая по крайней мере доктринально декларировалась в качестве главной задачи государственного управления. Законодательные полномочия и древнерусского, и византийского государей сочетались с представлениями о том, что закон и христианские морально-нравственные нормы обязательны для государя. В идеологическом плане Древняя Русь была куда ближе Византии, чем в плане организации публично-властных институтов.

Глава вторая «Великокняжеская власть в эпоху становления централизованного Русского государства» состоит из четырёх параграфов.

В первом параграфе **«Источники великокняжеской власти»** рассмотрен вопрос том, что в эпоху формирования централизованного Русского государства из концепции происхождения монархической власти на Руси устраняются демократические элементы, а идея о происхождении власти великого князя от Бога используется для оправдания неограниченного характера этой власти. Для обоснования легитимности занятия трона монархом используется исключительно династический принцип.

При этом для обоснования легитимности самодержавной власти в Московской Руси династический принцип совмещается с теологическим: Бог дал Рюрику и всем его потомкам, законно занявшим отцовский трон, власть над подданными (подобная идея была высказана Иваном III и развита его внуком Иваном IV). Власть эта не ограничена даже доктринально ни целями, ни христианскими нравственными нормами (о чём свидетельствует, в частности, практика опричнины), причём распространяется власть государя даже на души подданных, которые и после смерти остаются «холопами» московского государя (этот тезис сформулирован в одном из писем Ивана Грозного Андрею Курбскому).

Во втором параграфе **«Власть московского великого князя в сравнении с властью византийского императора»** характеризуется сущность власти мос-

ковского великого князя. Эта власть, выступавшая ключевым фактором консолидации народа перед лицом внешней угрозы и строительства крупного государства, не была ограничена ни институционально, ни доктринально.

Целями власти московского государя выступают не интересы подданных, а интересы государства, ради которых монарх вправе жертвовать имуществом, свободой и жизнью подданных без каких бы то ни было ограничений. Цели осуществления государем своей власти и его действия ради достижения этих целей не могут быть осмыслены подданными, а значит, не подлежат и оценке. Исполнение же любого приказа государя в Московской Руси являлось для подданного не только обязанностью в политическом смысле, но и религиозным долгом.

В Московской Руси сохраняются остаточные представления об ответственности монарха перед Богом, однако критерии этой ответственности отходят от христианских этических и нравственных идеалов и становятся неопределёнными, в связи с чем можно говорить о фактическом исключении из политической доктрины Московской Руси идеи об ответственности монарха.

В третьем параграфе **«Боярская дума Московской Руси в сравнении с высшим совещательным органом Византийской империи»** рассмотрен институт боярской думы московских великих князей, которая позиционировалась как преемник древнерусского княжеского совета. Терминологически же со времён Ивана IV дума и вовсе сравнивается с византийским синклитом. Однако на практике боярская дума к концу рассматриваемого периода была ещё больше ограничена в своих возможностях воздействовать на принятие решений в сфере государственного управления, чем византийский синклит, поскольку любые попытки оппозиции мнению государя были сведены на нет. Тем более не могла она, в отличие от древнерусского княжеского совета, каким бы то ни было образом ограничивать власть государя, поскольку хотя он и прибегал к совету думцев, но мог реализовывать свои решения без опоры на них.

В четвёртом параграфе **«Государственно-церковные отношения в Московской Руси»** рассмотрены не только взаимоотношения государя и Русской церкви, развивавшиеся в Московской Руси по пути усиления диктата великого князя по отношению к духовенству, но и основные политико-правовые идеи

рассматриваемого периода, родившиеся в церковной среде. Центральной идеей в этом перечне является концепция «Москва — Третий Рим», которая, тем не менее, не стала основой для рецепции политических и правовых традиций Византии в Московском государстве. Генезис этого образа связан не с политической идеологией, а с религиозно-мистическим осмыслением истории. Сформулированные в ходе дискуссии «иосифлян» и «нестяжателей» идеи о выстраивании взаимоотношений духовенства и государей на основе разумного ограничения монаршей власти также не нашли воплощения в политической практике Московского государства. Даже нравственное воздействие духовенства на государей в Московской Руси было невозможно (что наиболее наглядно иллюстрируется примером жизни митрополита Филиппа), а потому христианские нормы и идеалы фактически не влияли на поступки московского государя.

Таким образом, государственность Московской Руси невозможно рассматривать как продолжение государственности Византийской империи или Киевской Руси. Несмотря на династическое преемство по отношению к князьям Киевской Руси и претензии на идеологическую преемственность по отношению к византийским императорам, практика осуществления управленческих полномочий государя и сама политическая доктрина Московии тяготела скорее к восточным, чем к европейским образцам, и имела мало общего с древнерусской и византийской политическими системами.

В **Заключении** формулируется вывод о том, что наличие отдельных общих элементов в статусах государей Древней Руси и Византийской империи свидетельствует о принадлежности двух стран к европейскому типу политико-правовой культуры. Однако нельзя говорить о том, что византийская политическая доктрина или практика оказали влияние на формирование древнерусской государственности. Византия и Киевская Русь были схожи политическими идеями, однако несопоставимы по степени реализации этих идей в практике публично-властного управления.

Идейное обоснование власти московского государя во многом противоположно политическим идеологиям Древней Руси и Византийской империи. В Московской Руси, в отличие от Древней Руси и Византии, власть государя не мысли-

лась производной от власти народа, а в качестве цели реализации государем своих полномочий даже доктринально не рассматривались интересы подданных и их безопасность. Указанные антитезы не снимаются ни конфессиональной общностью Московии с Византией и Киевской Русью, ни заимствованиями византийских титулов и званий, ни династическим преемством московских царей по отношению к древнерусским князьям.

Результаты диссертации опубликованы в рецензируемых журналах, указанных в перечне ВАК:

Казанцев Д. А. Статус монарха на Руси и в Византии: общее и особенное в практике и доктрине // Труды Института государства и права РАН. — 2009. — № 2. — С. 28–40 (1 п. л.).

Казанцев Д. А. Власть и право в общественном сознании Византии и Древней Руси // Труды Института государства и права РАН. — 2013. — № 2. — С. 81–91 (1 п. л.).

Казанцев Д. А. Концепция «Москва — Третий Рим» в политической идеологии Средневековой Руси // Вестник Академии права и управления. — 2013. — № 31. — С. 139–144 (0,6 п. л.).

Казанцев Д. А. Влияние веча на публично-властную деятельность князя в Киевской Руси // Труды Института государства и права РАН. — 2013. — № 5. — С. 188–196 (0,8 п. л.).

Статьи, опубликованные в других изданиях:

Казанцев Д. А. Понятие закона и права в Византии и на Руси // Современные гуманитарные исследования. — 2010. — № 1. — С. 91–97 (0,6 п. л.).

Казанцев Д. А. Народные собрания в политической жизни Древней Руси и Византии // Актуальные проблемы современной науки. — 2010. — № 6. — С. 148–152 (0,5 п. л.).

Подписано в печать 14.10.2013 г.

Печать трафаретная

Усл. п. л. — 1,75

Заказ №

Тираж: 100 экз.

Типография «11-й ФОРМАТ»

ИНН 7726330900

115230, Москва, Варшавское ш., 36

(499) 788-78-56

www.autoreferat.ru